Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ о шестом брате цирюльника

А что касается моего шестого брата, о повелитель правоверных, то у него отрезаны губы. Он обеднел и вышел однажды поискать чего-нибудь, чтобы удержать в теле жизнь; и вот, когда он шел какой-то дорогой, он вдруг видит прекрасный дом с широким, высоким портиком, а возле ворот слуги и люди, приказывающие и запрещающие. И он спросил кого-то из стоявших там, и тот сказал: "Это дом одного из семьи Бармакидов". И тогда мой брат подошел к привратникам и попросил у них чегонибудь, и они сказали: "Войди в ворота дома - найдешь то, что любишь, у нашего господина". И мой брат вошел под портик и прошел под ним и достиг дома, красивого до предела красоты и изящества, и посреди него был сад, подобного которому он не видел, а пол в нем был выложен мрамором, и повешены были там занавеси.

И брат мой остался в недоумении, не зная, куда направиться, и пошел к возвышенной части покоя, и увидел человека с красивым лицом и бородой; и тот, увидев моего брата, поднялся к нему и приветствовал его и спросил его о его положении, и брат сообщил ему, что он нуждается.

И, услышав слова моего брата, этот человек проявил сильное огорчение и, взявшись рукою за свою одежду, разорвал ее и воскликнул: "Я живу в этом городе, а ты в нем голодаешь! Мне не вынести этого!"

И он обещал ему всякие блага и сказал: "Ты непременно должен разделить со мной соль". И мой брат ответил: "О господин, у меня нет терпения, и я сильно голоден!" И хозяин крикнул: "Эй, мальчик, подай таз и кувшин! - и сказал: Подойди и вымой руки". И мой брат поднялся, чтобы помыть руки, но не увидел ни таза, ни кувшина. А хозяин стал делать движения, точно он моет руки, и потом крикнул: "Подайте столик!" Но мой брат ничего не увидал. И тот человек сказал ему: "Пожалуйста, поешь этого кушанья, не стыдись!" - и стал делать движения, как будто он ест, и говорил моему брату: "Удивительно, как ты мало ешь! Не ограничивай себя в еде, я знаю, как ты голоден!" И мой брат стал делать вид, что ест, а хозяин говорил ему: "Ешь и смотри, как хорош и как бел этот хлеб". Но брат ничего не видел и думал про себя: "Этот человек любит издеваться над людьми". "О господин мой, - сказал ему мой брат, - я в жизни не видал хлеба белее и вкуснее этого". И он отвечал: "Его испекла невольница, которую я купил за шестьсот динаров". Потом хозяин дома крикнул: "Эй, мальчик, подай мясной пирог, первое кушанье, и прибавь в него жиру!" И спросил моего брата: "О гость, заклинаю тебя Аллахом, видел ли ты пирог лучше этого? Ради моей жизни, ешь, не стыдись! Эй, мальчик, - крикнул он затем, - подай нам мясо в уксусе и жирных куропаток!" И сказал моему брату: "Ешь, гость, ты голоден и нуждаешься в этом". И мой брат стал ворочать челюстями и жевать, а гот человек требовал кушанье за кушаньем, но ничего не приносили, и он только приказывал моему брату есть.

Потом он крикнул: "Эй, мальчик, подай нам цыплят, начиненных фисташками!" И сказал моему брату: "Заклинаю тебя жизнью, о мой гость, этих цыплят откармливали фисташками, - поешь же того, чему подобного ты никогда не ел, и не стыдись". - "О господин мой, это хорошо!" - отвечал мой брат; и хозяин стал подносить руку ко рту моего брата, как бы кормя его, и перечислял блюда, расхваливая их моему брату, который был голоден, и его голод еще увеличился, так что ему хотелось хотя бы ячменной лепешки. "Видел ли ты пряности лучше тех, что в этих кушаньях?" - спросил он потом; и мой брат ответил: "Нет, господин". И тот сказал: "Ешь хорошенько и не стыдись!" - "Мне уже довольно еды", - отвечал мой брат; и хозяин дома крикнул: "Уберите это и подайте сладости!" И сказал моему брату: "Поешь вот этого, это прекрасное кушанье, и покушай этих пышек. Заклинаю тебя жизнью, возьми эту пышку, пока с нее не стек сок". - "Да не лишусь я тебя, о господин мой!" - воскликнул мой брат и принялся расспрашивать его, много ли мускуса в пышках; и хозяин дома отвечал: "У меня обычно кладут в каждую пышку мискаль мускуса и полмискаля амбры". И при всем этом мой брат двигал головой и ртом и играл челюстями. "Ешь этот миндаль, не стыдись", - сказал хозяин дома; и мой брат отвечал: "О господин мой, с меня уже довольно, я не в состоянии что-нибудь съесть!" А хозяин дома воскликнул: "О гость, если хочешь чего-нибудь съесть и насладиться, Аллахом, Аллахом заклинаю тебя, не будь голоден!" - "О господин, - сказал мой брат, - как может быть голоден тот, кто съел все эти кушанья?" И потом мой брат подумал и сказал про себя: "Обязательно сделаю с ним дело, после которого он раскается в таких поступках!" А тот человек крикнул: "Подайте нам вино!" И слуги стали двигать руками в воздухе, точно подают вино. И хозяин подал брату кубок и сказал: "Возьми этот кубок, и если вино тебе понравится, скажи мне". - "О господин, отвечал мой брат, - оно хорошо пахнет, но я привык пить старое вино, которому двадцать лет". - "Постучись-ка в эту дверь - ты сможешь несколько его выпить", - сказал хозяин; и мой брат воскликнул: "О господин, твоей милостью!" - и сделал движение рукой, как будто пьет, а хозяин дома сказал: "На здоровье и в удовольствие!" Потом он сделал вид, что выпил, и подал моему брату второй кубок, и тот выпил и сделал вид, что опьянел, а затем мой брат захватил его врасплох и, подняв руку так, что стало видно белизну его подмышки, дал ему затрещину, от ко горой зазвенело в помещении. И он дал ему еще затрещину, второй раз, и тот человек воскликнул: "Что это, негодяй?" И мой брат отвечал: "О господин мой, ты был милостив к твоему рабу, и ввел его в свой дом и дал ему поесть пищи и напоил его старым вином, и он охмелел и стал буянить, но ты достаточно возвышен, чтобы снести его глупость и простить ему вину".

И, услышав его слова, хозяин дома громко рассмеялся и сказал: "Я уже долгое время потешаюсь над людьми и издеваюсь над друзьями, но не видел ни у кого такой выносливости и сообразительности, чтобы проделать со мною все эти дела. А теперь я простил тебя; будь же моим сотрапезником взаправду и никогда не расставайся со мной". И он велел вынести множество сортов кушаний, которые упомянул вначале, и они с моим братом ели, пока не насытились, а затем они перешли в комнату для шитья; и вдруг там оказались невольницы, подобные лунам, и они стали петь на все голоса и под все инструменты, а потом оба принялись пить, и их одолел хмель; и тот человек подружился с моим братом так, что стал ему точно брат, и полюбил его великой любовью, и наградил его. А когда настало утро, они снова принялись за еду и питье, - и так продолжалось в течение двадцати лет. А потом тот человек умер, и султан захватил его имущество и то, что было у моего брата, и султан отбирал у него деньги, пока не оставил его бедняком, ничего не имеющим.

И мой брат вышел, убегая наобум; и когда он был посреди дороги, на него напали кочевники и взяли его в плен. Они привели его к себе в стан, и тот, кто его забрал, стал его мучить и говорил ему: "Выкупи у меня твою душу за деньги, а не то я тебя убью!"; а мой брат плакал и говорил ему: "Клянусь Аллахом, у меня ничего нет! Я твой пленник, делай со мной, что хочешь".

И кочевник вынул нож и отрезал моему брату губы и все сильнее приставал к нему с требованиями. А у кочевника была красивая жена, и когда он выходил, она предлагала себя моему брату и старалась прельстить его, а он отказывался; но когда наступил один из дней и она стала соблазнять брата, он принялся играть с нею и посадил ре к себе на колени. И в это время ее муж вдруг вошел к ней: и, увидав моего брата, воскликнул: "Горе тебе, проклятый, теперь ты хочешь испортить мою жену!" И он вынул нож и отрезал ему зебб и, взвалив моего брата на верблюда, бросил его на горе и оставил.

И мимо него проходили путешественники, и они узнали его, и накормили и напоили, и сообщили мне, что с ним случилось; и я пришел к нему и понес его, и принес его в город, и назначил ему всего достаточно. И вот я пришел к тебе, о повелитель правоверных, и побоялся уйти отсюда, прежде чем расскажу тебе: это было бы ошибкой. Ведь за мною шесть братьев и я забочусь о них".

И когда повелитель правоверных услышал мою историю и то, что я рассказал ему о моих братьях, он засмеялся и сказал: "Твоя правда, о Молчальник, ты немногоречив, и в тебе нет болтливости, но теперь уходи из этого города и живи в другом!" - И он выгнал меня под стражей.

И я входил в города и обходил области, пока не услышал о его смерти и о том, что халифом стал другой, и тогда я пришел в этот город; и оказалось, что мои братья уже умерли. И я пошел к этому юноше и сделал с ним наилучшие дела, и если бы не я, его наверное бы убили, но он обвинил меня в том, чего во мне нет. И то, о собрание, что он передал о моей болтливости, - ложь. Из-за этого юноши я обошел многие страны, пока не достиг этой земли и не застал его у вас, и не от моего ли это великодушия, о благое собрание?"

И когда мы услышали историю цирюльника и его многие речи и то, что он обидел этого юношу, мы взяли цирюльника и схватили его, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
заточили, и сели, спокойные, и поели, и выпили, и пир продолжался до призыва к послеполуденной молитве. И потом я вышел и пришел домой, и моя жена насупилась и сказала: "Ты веселишься и развлекаешься, а я грущу! Если ты меня не выведешь и не будешь со мной гулять остаток дня, я разорву веревку нашей близости и причина нашей разлуки будет в тебе".

И я вышел с нею, и мы гуляли до вечера, а затем ми вернулись и встретили горбуна, который был пьян через край, и он говорил такие стихи:

"Стекло прозрачно, - и ясно, как вино,

Что они похожи, и смутно дело тут:

И как будто есть вино, а кубка нет,

И как будто кубок есть, а нет вина".

И я пригласил его и вышел купить жареной рыбы, и мы сели есть, а потом моя жена дала ему кусок хлеба и рыбы и сунула их ему в рот, и заткнула его, и горбун умер; и я снес его и ухитрился бросить его в дом этого врача-еврея, а врач изловчился и бросил его в дом надсмотрщика а надсмотрщик ухитрился и бросил на дороге христианина-маклера. Вот моя история и то, что я вчера пережил, - не удивительное ли это истории горбуна?"

И, услышав рту историю, царь Китая затряс головой от восторга и проявил удивление и сказал: "Эта история, что произошла между юношей и болтливым цирюльником, поистине лучше и прекраснее истории лгуна-горбуна!"

Потом царь приказал одному из придворных: "Поймите с портным и приведите цирюльника из заточения: я послушаю его речи, и он будет причиной освобождения вас всех; а этого горбуна мы похороним..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать четвертая ночь

Когда же настала тридцать четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Китая сказал: "Приведите ко мне цирюльника, и он будет причиной вашею освобождения, а этого горбуна мы похороним, - ведь он со вчерашнего дня мертвый - и сделаем ему гробницу".

И не прошло минуты, как придворный с портным отправились в тюрьму и вывели оттуда цирюльника и шли с ним, пока не остановились перед царем. И, увидев цирюльника, царь всмотрелся в него - и вдруг оказывается: что дряхлый старик, зашедший за девяносто, с черным лицом, белой бородой и бровями, обрубленными ушами и длинным носом, и в душе его - глупость. И царь засмеялся от его вида и сказал: "О Молчальник, я хочу, чтобы ты рассказал мне какую-нибудь из твоих историй". И цирюльник спросил: "О царь времени, а какова история этого христианина, и еврея, и мусульманина, и мертвого горбуна, который среди вас, и что за причина этого собрания?" - "А почему ты об этом спрашиваешь?" - сказал царь Китая; и цирюльник отвечал: "Я спрашиваю о них, чтобы царь узнал, что я не болтун и я не виновен в болтливости, в которой они меня обвиняют. Я тот, чье имя Молчальник, и во мне есть доля от моего имени, как сказал поэт:

Не часто глаза твои увидят прозванного,

Чтоб не был, коль всмотришься, в прозванье весь смысл его".

"Изложите цирюльнику историю этого горбуна и то, что случилось с ним в вечернюю пору и что рассказывали еврей, христианин, надсмотрщик и портной", - сказал царь; и они это сделали (а в повторении нет пользы!), и после этого цирюльник покачал головой и воскликнул: "Клянусь Аллахом, это, поистине, удивительная диковина! Откройте этого горбуна!"

И ему открыли горбуна, и он сел около него и, взяв его голову на колени, посмотрел ему в лицо и стал так смеяться, что перевернулся навзничь, а потом воскликнул: "Всякая смерть удивительна, но о смерти этого горбуна следует записать золотыми чернилами!" И все собравшиеся оторопели от слов цирюльника, и царь удивился его речам и спросил: "Что с тобой, о Молчальник? Расскажи нам". И цирюльник ответил: "О царь времени, клянусь твоей милостью, в лгуне-горбуне есть дух!" И цирюльник вынул из-за пазухи шкатулку и, открыв ее, извлек из нее горшочек с жиром и смазал им шею горбуна и жилы на ней, а потом он вынул два железных крючка и, опустив их ему в горло, извлек оттуда кусок рыбы с костью, и когда он вынул его, оказалось, что он залит кровью. А горбун один раз чихнул, и вскочил на ноги, и погладил себя по лицу, и воскликнул: "Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед - посланник Аллаха!" И царь и присутствующие удивились тому, что они воочию увидели.

И царь Китая так смеялся, что лишился чувств, и присутствующие тоже; и султан сказал: "Клянусь Аллахом, это удивительная история, и я в жизни не слышал диковиннее ее!"

"О мусульмане, о все воины, - спросил потом султан, - видели ли вы в жизни, чтобы кто-нибудь умер и потом ожил? Если бы Аллах не послал ему этого цирюльника (а он был причиной его жизни), горбун наверное бы умер".

И все сказали: "Клянемся Аллахом, это удивительная диковина!" А потом царь Китая приказал записать эту историю золотыми чернилами, и ее записали и затем положили в казну царя. А после этого он наградил еврея, христианина и надсмотрщика, каждого из них драгоценной одеждой, и велел им уходить; и они ушли. А затем царь обернулся к портному и наградил его драгоценной одеждой и сделал своим портным; он назначил ему выдачи и помирил его с горбуном, и наградил горбуна дорогой и красивой одеждой и назначил ему выдачи, сделав его своим сотрапезником, а цирюльника он пожаловал и назначил его главным цирюльником царства и своим собутыльником. И они пребывали в сладостнейшей и приятнейшей жизни, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

Но это нисколько не удивительнее рассказа о двух

везирях

и Анис-аль-Джалис". - "А как это было?" - спросила Дуньязада.